

СЛОМАННЫЙ ДЕМИУРГ

RAIDO RAIDO

Сломанный Демиург

<https://litres.ru/74124914>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если цена абсолютного порядка — сама жизнь?

В стерильном и безупречном Городе Вечного Света нет места хаосу. Воздух тут пахнет вдохновением, ошибки считаются болезнью, а каждый демиург — воплощение гармонии.

Кроме одного.

Элион — Ткач Снов, создатель миров, которые чувствуют и дышат. Но в последнее время идеи не приходят, руки не слушаются, а внутри разрастается странная, вязкая тяжесть — там, где должна кипеть энергия творчества.

Это история о бунте против совершенства. О том, как изгои бросают вызов не просто тиранам, а самой концепции безошибочности.

От стерильных коридоров умирающего Города Вечного Света до первобытного Хаоса новорожденной планеты — этот мир исследует фундаментальный конфликт между порядком и жизнью.

Потому что настоящая жизнь ближе к хаосу, чем к порядку. И самые страшные «ошибки» иногда становятся единственным, что вообще стоит спасать.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	48
Глава 5	63
Конец ознакомительного фрагмента.	74

RAIDO

Сломанный Демиург

Глава 1

Город Вечного Света, созданный из поющих кристаллов и застывших радуг, парил над Бездной ни на что не опираясь. Фундаментом для него служила сама концепция идеального порядка.

Башни росли во всех направлениях одновременно, сплетаясь в невозможные, фрактальные спирали. Некоторые из них тонкие и острые, как иглы, другие — массивные и округлые, словно гигантские капли. Между этими архитектурными чудесами протянулись мосты из уплотнённого воздуха и чистого намерения. Они казались сотканными из радуг и северного сияния, но под ногами становились твёрдыми, как алмаз. По этим мостам бесшумно скользили платформы-транспорты, управляемые одной лишь мыслью.

Ничего случайного или несовершенного. Ни единой пылинки, ни одной неровности. Даже «дикие» сады на нижних ярусах подчинялись строгой математической гармонии фракталов. Царство абсолютной симметрии и выверенного до последнего атома порядка.

Здесь жили Демиурги. Существа, чьи тела сплетены из чи-

стой энергии созидания. Их мысли быстрее света, а идеи — острее клинков из нейтронных звёзд. Каждый из них — художник, инженер и бог в одном лице. Их главным развлечением, смыслом существования и священным ритуалом был Великий Турнир Созидания.

В своей мастерской, парившей на вершине Башни Тысячи Оттенков, стоял Элион. Его прозвали Ткачом Снов за уникальное умение вплетать в ткань реальности тончайшие нити эмоций. Его миры не просто существовали — они *чувствовали*. Плакали дождями, смеялись северным сиянием и дышали ветрами, полными тоски и надежды. На прошлом Турнире его творение — мир, где горы пели колыбельные, а океаны хранили память веков, — было признано эталоном гармонии.

Но сегодня Элион чувствовал себя чужим в этом стерильном, безупречном великолепии. Его собственная аура казалась тусклым пятном на фоне величия Города. Тенью на холсте совершенства.

Демииург стоял перед огромным окном-экраном, за которым раскинулась бесконечная чернота с редкими искрами далёких галактик. Перед творцом висел проекционный холст — сфера чистой потенциальности, ожидающая прикосновения. Обычно при виде этой пустоты его пульс ускорялся, а в кончиках пальцев покалывало от предвкушения. Сейчас же внутри была лишь звенящая тишина и странная, вязкая тяжесть, словно душа сделана не из света, а из свинца.

Элион закрыл глаза, пытаясь нащупать нить идеи. Он всегда начинал с основы: с физики. Законы гравитации, скорость света, константы бытия... Но сегодня цифры и формулы ускользали от него, вместо стройных уравнений в голове роились обрывки чужих мелодий и вкус вчерашнего нектара.

— Сосредоточься, — прошептал он вслух. Собственный голос показался глухим и незнакомым, словно доносился из-под толщи воды.

Демиург протянул руку к сфере, ладонь засветилась мягким голубым. Нужно попытаться создать основу. Фундамент любого мира. Звезду.

На холсте вспыхнула точка, но вместо ровного, идеального шара белого пламени родилась уродливая клякса. Она пульсировала, выбрасывая протуберанцы грязно-жёлтого цвета и чёрного дыма. Звезда мигнула пару раз с болезненным, натужным хрустом и погасла с тихим, жалобным звуком лопнувшей струны.

Элион отшатнулся от холста так резко, будто тот его укусил. По выточенному лицу пробежала тень недоумения. Такого не случалось никогда. Даже юные творцы на своих первых уроках справлялись с базовыми формами лучше.

В этот момент дверь мастерской бесшумно отъехала в сторону, нарушив звенящую тишину. В проёме возник Каэл. Вечный соперник на Турнирах, единственный настоящий друг и полная противоположность во всём. Если Элион был Ткачом Снов, то Каэл был Архитектором Воли — его миры

сложны, математически выверены до последнего атома и поражали холодной, совершенной логикой.

— Элион, — голос Каэла звенел от восторга и нетерпения. Аура пылала ярким жёлтым светом энтузиазма. — Ты готов? Публика уже собирается! Говорят, в этом цикле будут наблюдатели из Колыбели Времени! Все ждут твоего шедевра!

Демиург шагнул внутрь, и его кипучая энергия заполнила комнату, заставив свет в кристаллах стен вспыхнуть ярче. Он — воплощение жизни и действия: движения точны и полны сдержанной силы, глаза сияли предвкушением великой битвы умов.

Элион заставил себя улыбнуться. Это потребовало усилий — лицо словно забыло, как это делается.

— Почти. Нужно внести финальные штрихи.

Каэл остановился в центре комнаты и внимательно посмотрел на друга. Взгляд профессионального аналитика скользнул по бледной коже Элиона (которая должна была сиять внутренним светом), по опущенным плечам и руке, которая всё ещё слабо светилась остаточной энергией после неудачной попытки творения.

— Ты выглядишь... тускло, — произнёс Каэл уже тише. В голосе не было насмешки или превосходства победителя, только искреннее беспокойство. — Будто твоя аура выжжена.

Ткач пожал плечами, стараясь сделать это как можно более непринуждённо.

— Просто не выпался.

Ложь далась легко, но прозвучала фальшиво даже для собственных ушей.

Демиург нахмурился:

— Мы не спим.

Повисла неловкая пауза. Элион молчал, глядя в пустоту за окном, на парящие в невесомости сады соседней башни.

— Ладно... — Каэл нарушил молчание первым. В голосе проскользнули нотки растерянности и беспомощности. Он был гением порядка и структуры, но совершенно не знал, как реагировать на этот... хаос внутри своего друга. — Зайду за тобой через час?

— Да... конечно. Я буду готов.

Архитектор кивнул и вышел так же стремительно, как и вошёл. Дверь закрылась с тихим шелестом, оставив Элиона наедине с гнетущей тишиной и мёртвым холстом. Он подошёл к огромному зеркалу во всю стену мастерской. Оттуда на него смотрел Демиург. Симметричные ровные черты лица, безупречная осанка. Но глаза... В них плескалась усталость тысячелетий и страх перед завтрашним днём — эмоция настолько чуждая этому месту вечной юности и триумфа.

Он снова посмотрел на сферу творения. Она ждала прикосновения с холодным безразличием, а он боялся подойти к ней снова. Боялся увидеть очередную ошибку, потому что ошибка для Демиурга равносильна смерти души.

Час пролетел незаметно в бесплодной борьбе с самим собой и пустотой собственного разума. Наконец раздался настойчивый сигнал вызова от Каэла.

Элион глубоко вздохнул. Пора идти на Арену Творения. Пора показать миру маску идеального художника, даже если внутри всё сгнило от тоски и бессилия. Он последний раз взглянул на своё отражение — на тень того, кем был когда-то — и шагнул к выходу навстречу ослепительному сиянию Города Вечного Света и грядущему позору Великого Турнира.

Арена Творения олицетворяла собой бьющееся сердце Города Вечного Света, его главный храм и алтарь совершенства. Колоссальный амфитеатр, чьи ярусы высечены из цельных кристаллов горного хрусталя, в которых навеки застыл свет давно умерших звёзд. Воздух здесь стал физически ощутим — наэлектризован до предела концентрированным ожиданием тысяч собравшихся. Каждый Демиург на трибунах сам по себе являлся произведением искусства: их лица безмятежны, а ауры переливались всеми цветами спектра, создавая над амфитеатром живую, пульсирующую раду-гу. Объединённый поток их мыслей подобен низкому, вибрирующему гулу предвкушения, который резонировал в самом нутре. Это не просто турнир. Это апогей бытия, священ-ная месса во славу высшего совершенства.

Элион шёл по центральному проходу, и каждый шаг отдавался гулким эхом, которое, казалось, било прямо по вискам, усиливая и без того невыносимую головную боль. Рядом с ним, излучая уверенность и неукротимую энергию, шагал Каэл. Он являл собой воплощение жизни: приветственно кивал знакомым, ослепительно улыбался, а с конкурентами обменивался короткими, острыми фразами — интеллектуальная разминка перед боем.

— Слышал, Вэйра в этом году представляет симуляцию квантового хаоса, — шепнул Каэл, наклонившись к уху друга. Голос звенел от восторга и азарта. — Говорят, структура нестабильна на субатомном уровне. Есть шанс обойти её на повороте.

Слова «квантовый», «хаос», «шанс» пролетали мимо сознания Элиона, не цепляясь ни за одну мысль. Они были похожи на жужжание насекомых в жаркий полдень — звук есть, он заполняет пространство, но смысла в нём нет.

— Да... возможно, — выдавил из себя Элион. Голос прозвучал глухо, словно из глубокого колодца.

Каэл резко остановился и бросил на друга быстрый, встревоженный взгляд. Он уже не пытался скрыть беспокойство.

— Ты в порядке? Ты как будто здесь только наполовину. Твоя аура мерцает.

— Я здесь. Полностью, — солгал Элион. Это прозвучало слишком ровно, слишком идеально для существа, внутри которого бушевала буря из отчаяния и паники. Демиург

ненавидел себя за эту ложь. Ненавидел за то, что не может просто встряхнуться, щёлкнуть пальцами и снова стать тем Ткачом Снов, которого все знали и обожали.

Друзья заняли свои места в ложе участников. Прямо перед ними разверзлась Бездна — не метафорическая пустота, а реальная чернильная тьма космического ничто. В её центре парила платформа для творения — круг из белого мрамора с золотыми прожилками, зависший в пустоте без всякой опоры. Сцена, на которой рождались и умирали вселенные.

Великий Магистр медленно поднял руку, и гул в амфитатре стих, словно его отсекли ножом. Наступила полная тишина, нарушаемая лишь едва слышным гулом самой реальности.

— Да начнётся Турнир!

Первыми выступали юные таланты и середняки. Их творения были хороши: один создал мир с двойной гравитацией и парящими континентами; другой — цивилизацию, основанную на передаче информации через запахи. Их миры были гармоничны и элегантны, но для Элиона всё это сливалось в одно размытое пятно цвета и звука. Он смотрел на чужое совершенство и чувствовал не восхищение, а глухую, растущую ярость. Почему у них получается? Почему это так легко для них? Что со мной не так?

Демиург пытался найти причину своего недуга. Может, это микроскопический дефект в его энергетической матрице? Может, он случайно впитал деструктивную частицу во

время прошлого созидания? Он часами медитировал в своей башне после провала на одном из прошлых турниров (который он тогда списал на досадную случайность), пытался «настроить» себя. Перебирал струны своей души, но инструмент был безнадежно расстроен.

В моменты подъёма Ткач Снов был больше, чем Демиургом. Идеи били из него фонтаном с такой силой, что воздух вокруг трещал от статического электричества творения. Руки порхали в воздухе со скоростью колибри, создавая сложнейшие фрактальные структуры за мгновения ока. В эти часы он чувствовал себя всемогущим властелином реальности.

Но эти вспышки гениальности всегда сменялись периодами чёрной апатии. В такие дни он не мог сотворить даже простейший камень. Попытка создать себе чашу с водой могла закончиться тем, что вместо кристально чистой жидкости появлялась лишь горстка серой пыли или облако ядовитого пара с запахом гнили. Бытовые задачи становились непреодолимым горным хребтом. Он запирался на вершине Башни Тысячи Оттенков и ненавидел себя за эту слабость.

Демиурги вокруг не понимали его состояния. Они видели лишь внешние проявления его «творческого темперамента».

— О, это наш задумчивый гений! — смеялись одни на светских раутах, видя его мрачное лицо.

— Он всегда был странным.

— Просто Элион решил пойти сложным путём минимализма! — предполагали другие с умным видом, глядя на его

уродливые, недоделанные эскизы миров в архиве.

Лишь немногие видели правду. Архивариус смотрел с глубокой тревогой во время их редких встреч в Зале Памяти.

— Твоя аура пульсирует хаотично, — говорил старик своим скрипучим голосом. — То затухает до едва заметной искры, то вспыхивает сверхновой без всякой причины. Это... неестественно для нас. Это похоже на болезнь плоти.

Но даже Архивариус не мог предложить решения. Усталость была понятием из сказок для смертных, для идеально-го существа её не существовало.

Наконец, объявили его имя.

Элион поднялся на платформу. Под ногами был холодный мрамор, но ему казалось, что он идёт по тонкому льду над бездонной пропастью. Демиург повернулся лицом к амфитеатру. Тысячи глаз смотрели на него не просто с ожиданием — они смотрели с уверенностью в чуде.

Ткач Снов закрыл глаза и потянулся к источнику своей силы. Обычно это было похоже на погружение в тёплый океан чистой энергии, где каждая мысль обретала форму мгновенно и без усилий. Сейчас же он словно пытался зачерпнуть воду из пересохшего колодца: ведро ударялось о сухое дно, поднимая лишь облачко пыли.

Он начал творить. Вначале — каркас: гравитация искривилась под странным углом; пространство-время пошло мелкой рябью. Мир начал проступать из небытия — серая планета с одним спутником. Хорошо.

Затем — детали. Элион попытался создать горы — символ вечности и покоя. Но вместо величественных пиков из земли полезли уродливые наросты, похожие на гнойные фурункулы или застывшие потоки рвоты больного гиганта. Он попытался исправить это усилием воли, но руки дрожали от бессилия и злости на самого себя. Океаны превратились в бурлящие котлы с ядовито-зелёной жижей.

Вдохновение то вспыхивало безумным огнём без всякой логики, то гасло совсем, оставляя его стоять посреди руин собственного воображения.

Когда Ткач открыл глаза и посмотрел на своё творение во второй раз, амфитеатр ахнул — звук коллективного шока и отвращения.

Перед ними висел уродливый, искорёженный мир-карикатура. Атмосфера была ядовито-жёлтой и светилась изнутри болезненным светом гниющей плоти.

Тишина стала оглушительной, тяжелее любого обвинительного крика.

Великий Магистр медленно поднялся со своего места в центральной ложе. Лицо было непроницаемой маской скорби.

— Элион из Дома Снов... Твоё творение вызывает серьёзные вопросы о твоей готовности к участию в Турнире Созидания.

Демиург стоял на платформе в центре Бездны, опустив руки вдоль тела так безвольно, словно из него вынули все ко-

сти. Аура почти погасла, превратившись в тусклую искру на грани исчезновения. Внутри клокотала ненависть — холодная и едкая ненависть к этому миру фальшивого совершенства, к этим лицам на трибунах... и самая жгучая ненависть — к самому себе за эту чудовищную неудачу.

Внезапно паника сменилась решимостью не быть жалким. — Это... экспериментальная концепция! — выкрикнул он громко и отчаянно. — Эстетика распада! Я хотел показать красоту умирания! Концепцию неизбежного энтропийного финала!

По рядам Демиургов пробежал шепоток понимания и облегчения. Они нашли объяснение! Они спасли свой мир от когнитивного диссонанса!

— Ах, вот оно что! — раздался голос с верхних ярусов с интонацией внезапного прозрения.

— Новое слово в искусстве! Это смело!

— Bravo!

Лишь Каэл молчал в ложе участников, глядя на друга с безграничной жалостью и страхом. Он видел не смелый художественный жест и не экспериментальную концепцию. Он видел сломленного друга на краю пропасти.

Элиона проводили с арены под вежливые аплодисменты за «смелость» и «инновационный подход».

Вернувшись в свою башню из поющего хрусталя, он долго стоял перед своим отражением, смотря на Демиурга с безупречными чертами лица, телом атлета и глазами загнанно-

го зверя, готового отгрызть себе лапу, чтобы вырваться из капкана.

Ненависть к этому миру стала абсолютной. Они слепы в своём совершенстве, глухи к чужой боли. Они придумали ему оправдание, лишь бы не видеть правды: один из них сломался.

Глава 2

Дни в Городе Вечного Света слились для Элиона в одно бесконечное, серое полотно, лишённое текстуры и смысла. Время здесь, в его башне, перестало быть линейной величиной и превратилось в вязкую, тягучую субстанцию, которая обволакивала, не давая двигаться. После унижительного провала на Турнире он заперся в своей мастерской, превратив её из храма созидания в добровольную тюрьму. Огромные панорамные окна, выходившие на парящие сады и радужные мосты, затянулись шторами из тяжёлой ткани. Ему было невыносимо видеть чужое счастье и идеальную продуктивность, которая сейчас казалась насмешкой над его собственной пустотой.

Элион пытался бороться. Это стало единственным ритуалом, бессмысленной мантрой. Каждый новый оборот он давал себе клятву, звучащую как приговор: «Сегодня всё будет иначе. Я буду собой». Демиург заставлял себя сесть за рабочий стол из полированного обсидиана, активировал проекционный холст и... ничего. Пустота внутри отзывалась лишь гулким эхом собственного страха. Мысли, некогда стройные и ясные, теперь напоминали рой испуганных насекомых — хаотичный, жалящий и абсолютно бесполезный. Он пытался ухватиться хоть за одну идею, но она рассыпалась в прах, оставляя после себя лишь горечь и усталость.

В один из таких дней, когда серый цвет за шторами казался особенно безжизненным, к нему пришла Лиана. Одна из тех немногих, кто не пытался придумать для него оправдания или списать всё на «творческий кризис». Её талант заключался в создании экосистем — живых, дышащих миров, где каждый листок был на своём месте не по приказу, а по законам гармонии. Она всегда была тихой и наблюдательной, её сила крылась в глубоком понимании жизни во всех проявлениях.

Девушка вошла без стука. Бесшумно ступая по гладкому полу босыми ногами, остановилась на пороге. Элион даже не поднял головы. Он сидел спиной к зашторенному окну, сторбившись над столом. На гладкой поверхности не было ни чертежей, ни эскизов. Лишь одинокая, треснувшая призма света — результат неудачного эксперимента — сиротливо лежала в центре.

— Ты не был на симпозиуме по астрофизике пространственных карманов, — голос звучал мягко, как шелест листьев в её собственных мирах, но в нём слышалась стальная нотка неподдельного беспокойства, — И в прошлый раз тоже.

— Я был занят, — буркнул Элион, не глядя на неё. Ложь выглядела жалкой и очевидной даже для него самого.

— Ты не был занят. Ты был здесь. В темноте.

Элион резко встал с кресла. Глаза, которые раньше сияли мягким светом творца, теперь стали тусклыми и воспалён-

ными от усталости и душевной боли.

— А что ты хотела увидеть? Как я создаю шедевр? — голос сорвался на хриплый шёпот, полный яда и самоуничтожения. — Смотри!

Он яростным жестом смахнул призму со стола. Та упала и разлетелась на тысячу мерцающих осколков, которые брызнули во все стороны, на мгновение наполнив мрачную комнату холодным фейерверком.

— Вот моё творение! Хаос! Мусор!

Лиана не отшатнулась от вспышки гнева. Она спокойно перешагнула через мерцающие осколки на полу и подошла ближе. Во взгляде не было ни осуждения, ни снисходительной жалости. Только глубокая, почти материнская тревога и что-то ещё — возможно, страх перед тем, чего она не могла понять.

— Элион, я не знаю, что с тобой происходит. Наша природа не предполагает... такого состояния. Но я вижу, что тебе больно.

— Больно? — он издал горький смешок, и этот звук был похож на скрежет металла о стекло, — Вы все думаете, что это просто «плохой период». Что у меня просто «сложный характер» или «новый творческий метод». Вы слепы! Вы все!

Гнев для него стал высокой крепостной стеной из колючей проволоки, за которой он прятал свой животный страх перед собственной неполноценностью.

— Ты можешь создать мир, где горы будут петь? Можешь? Нет. А я мог. Я был лучшим! А теперь я ничтожество! Не могу сосредоточиться дольше пяти минут! Забываю базовые формулы мироздания! Я... я ненавижу себя за это!

Последние слова Демиург выкрикнул в потолок башни. Он ждал реакции. Ждал, что она сейчас презрительно скривит губы, развернётся и уйдёт. Что она, как и все остальные в этом проклятом городе идеалов, пожмёт плечами и скажет: «Отдохни» или «Попробуй что-то новое».

Но Лиана просто стояла и смотрела. Она не пыталась спорить или утешать.

— Я не уйду, — тихо сказала девушка после долгой паузы. Голос прозвучал твёрдо и спокойно в звенящей тишине комнаты. — И я не думаю, что это твой характер. Это что-то другое. Что-то... сломалось внутри тебя.

Элион замер на полуслове. Слово «сломалось» ударило наотмашь с силой физической пощечины. Она сказала это так просто, так прямо. Не как Каэл с этим его деликатным «ты выглядишь тускло», а как констатацию факта.

На мгновение стена гнева дала трещину под напором такой простой правды. И из этой трещины хлынуло чистое, незамутненное отчаяние, от которого перехватило дыхание. Спазм сжал горло и грудь так сильно, что стало больно дышать. Он сполз по стене на пол и закрыл лицо дрожащими руками. Плечи затряслись в беззвучных рыданиях — тело Демиурга сотрясилось от горя смертного.

Лиана подошла к нему и села рядом на холодный пол башни. Не пыталась обнять или утешать пустыми словами о том, что «всё пройдёт». Она просто была рядом. Её молчаливое присутствие ощущалось громче любых речей и теплее любого объятия.

В этой тишине Элион понял главное: он был абсолютно один в своём горе. Даже те немногие друзья вроде Лианы или Каэла, кто искренне беспокоился за него, были неспособны по-настоящему понять эту агонию. Они могли видеть симптомы — рваный ритм ауры, неудачи в творении — но сама концепция страдания от потери вдохновения была для них так же чужда и непостижима, как для смертного существа — идея о том, что можно устать от самого процесса дыхания.

После визита Лианы в башне Элиона стало ещё более пусто. Тишина больше не была просто отсутствием звука, она превратилась в плотную, осязаемую субстанцию, похожую на густой, холодный туман. Это давило на виски, мешало дышать и, казалось, просачивалось под кожу, оседая тяжестью в костях.

Элион понимал умом, той логической, всё ещё безупречно работающей частью своего сознания, которая не была затронута болезнью: Лиана — его друг. Единственная, кто не отвернулся, кто не списал его состояние на «творческий кри-

зис» или «каприз гения». Она пришла. Она осталась. Она назвала вещи своими именами: «что-то сломалось». Он должен быть ей благодарен. Должен чувствовать облегчение от того, что не один.

Но вместо этого внутри росла глухая, иррациональная злость, смешанная с тошнотворным чувством стыда. Благодарность казалась предательством собственного горя. Её сочувствие было подобно яркому лучу света, направленному в глубокую, гноящуюся рану. Оно не лечило. Оно лишь слепило и причиняло невыносимую боль.

Лиана не могла его понять. Это было фундаментально, как разница между камнем и мыслью. Она могла видеть симптомы: его апатию, вспышки гнева, неспособность творить. Она могла констатировать факт: он болен. Но она не могла прочувствовать саму болезнь. Не знала, каково это — когда твой собственный разум, твой главный инструмент и единственный источник радости, предаёт тебя, превращаясь из послушного скакуна в дикого, брыкающегося зверя.

В моменты краткого просветления, когда туман в голове немного рассеивался и рваный ритм его ауры на мгновение выравнивался, Элион подходил к окну. И Город Вечного Света казался ему издевательством.

Там, за стенами башни-тюрьмы, жизнь текла своим чередом. По радужным мостам скользили фигуры других Демиургов. Движения плавные и отточенные, как у танцоров в вечном балете. Их ауры сияли ровным, здоровым светом —

постоянным и уверенным. Вдохновение было неиссякаемым колодезем с кристально чистой водой, а не пересохшим руслом реки, где гниют останки былых идей.

Вот группа молодых творцов собралась на обзорной площадке одной из парящих башен. Они смеялись. Этот смех был чистым и звонким, как столкновение хрустальных бокалов на великосветском приёме. Они обсуждали новый проект — создание карманной вселенной с нестандартной топологией пространства. В их словах не было ни тени сомнения. В голосах звенела абсолютная уверенность в успехе.

Элион смотрел на них из своего тёмного угла и чувствовал, как внутри поднимается волна чёрной зависти. Густой и горькой, как смола или дёготь. Они здоровы. Нормальны. А он — аномалия, ошибка в коде мироздания. Сломанная деталь в точно работающем механизме Города.

Демиург вспомнил свой последний разговор с Каэлом перед Турниром. «Ты выглядишь тускло». Тогда эти слова показались ему проявлением дружеской заботы, теперь же они звучали как окончательный приговор. Тускло. словно лампа накаливания, у которой вот-вот перегорит нить. Он не был сложной личностью с тонкой душевной организацией. Он был просто... неисправным прибором.

Эта мысль была невыносима. Она лишала его последних остатков достоинства и самоуважения.

Элион резко отвернулся от окна и снова оказался в полумраке своей мастерской. На полу всё ещё валялись осколки

той призмы света — жалкие останки последней попытки создать хоть что-то прекрасное. Он с силой пнул их ногой. Те разлетелись по полу, тускло мерцая в темноте, как звёзды на мёртвом небе.

Внезапно на него накатила волна энергии. Это было знакомое чувство — начало подъёма. Разум заработал с лихорадочной скоростью, которая граничила с болью. Идеи, одна безумнее другой, начали роиться в голове бешеным роем.

«Я создам мир! — пронеслось в сознании. — Не такой, как у них! Не идеальный! Я создам мир хаоса! Мир, где красота рождается из распада! Где горы — это застывшие крики! Где океаны — это слёзы давно умерших звёзд!»

Ткач бросился к проекционному холсту с одержимостью безумца и материализовал новую призму прямо на ходу. Руки запорхали в воздухе над сферой, сплетая нити реальности с яростью и отчаянием пьяного художника. Он работал часами, потеряв всякое ощущение времени, не чувствуя ни голода, ни усталости — лишь лихорадочный жар творения. Аура вспыхнула ослепительно-ярким светом, но этот свет был неровным и дёрганным, словно мигающая неисправная лампа.

И он создал его.

Мир родился за одну ночь — уродливый и завораживающий одновременно в своём кошмарном великолепии. Планета была похожа на больной, гниющий орган. Её континенты пульсировали медленными конвульсиями, словно живые

раны на теле космоса. Небо было багрово-чёрным, цвета за-
пекшейся крови, и по нему плыли не облака из пара, а тяжё-
лые тучи из пепла и праха погибших цивилизаций. Из недр
планеты вырывались гейзеры раскалённой лавы, формируя
причудливые, гротескные скульптуры из застывшего камня
и огня.

Элион отшатнулся от холста, тяжело дыша. На лбу высту-
пила испарина — ещё один чуждый, физиологический симп-
том его распада.

Он смотрел на своё творение и чувствовал лишь опусто-
шение и тошноту. Это не было искусством в том смысле, ко-
торый вкладывали в это слово другие Демиурги. Это был вы-
плеск его собственной болезни на холст вселенной. Крик бо-
ли и ненависти к самому себе, облечённый в форму мира.

А потом энергия иссякла так же внезапно и бесповоротно,
как и появилась.

На Элиона навалилась свинцовая усталость. Каждая клет-
ка тела ныла от изнеможения так сильно, будто он таскал тя-
жести целую вечность. Мысли снова стали вязкими и мед-
ленными, как остывающая смола.

Мир на холсте теперь вызывал лишь отвращение и перво-
бытный страх.

*«Это я? — подумал он с ужасом, глядя на пульсирую-
щие континенты-язвы и небо цвета кровоподтёка. — Это
то, что у меня внутри?»*

Взгляд упал на коммуникатор на запястье. Там мигал сиг-

нал входящего сообщения от Лианы: «Как ты? Я волнуюсь».

Демиург долго смотрел на эти два простых слова. Он знал правильный ответ: «Спасибо за заботу». Или: «Я справлюсь». Но пальцы сами набрали другое: «Оставь меня в покое».

Он нажал «отправить» ещё до того, как успел осознать, что делает или пожалеть об этом. Сообщение ушло в пустоту Города Вечного Света.

Элион закрыл лицо руками и снова сполз на пол из полированного кристалла, привалившись спиной к холодному основанию проекционного стола. Он сидел в темноте своего жилища-склепа, окружённый осколками неудавшихся творений и собственным уродливым миром на холсте.

Он благодарен Лиане головой. Но душа корчилась от тошноты при одной мысли о том, что кто-то увидит эту гниль внутри него.

Глава 3

Зал Лектория был воплощением гармонии, застывшей во времени и пространстве. Его купол, сотканный из переплетённых нитей застывшего света, парил над амфитеатром, создавая безошибочную иллюзию открытого космоса. Сегодня здесь читали лекцию о «Динамической стабильности в многомерных континуумах» — тема, которая ещё год назад заставила бы сердце Элиона биться чаще, а разум — работать с точностью атомного хронометра. Сейчас же, сидя в дальнем ряду и спрятавшись в глубокой тени высокой спинки кресла, он чувствовал лишь глухое раздражение.

Внизу, на кафедре из полированного малахита, который казался живым и дышал в такт словам оратора, стоял Демиург по имени Ират. Воплощение лектора-идеала: голос лился плавно и размеренно, как река из жидкого серебра; жесты точны и элегантны; а сложные математические формулы, которые он выводил прямо в воздухе светящейся рукой, складывались в безупречные, фрактальные узоры. Слушатели внимали ему в полной, звенящей тишине. Их лица были одухотворены и сосредоточены, словно они наблюдали не за научным докладом, а за созданием новой вселенной. Для них это не просто получение информации. Это эстетическое наслаждение высочайшего порядка, акт созерцания чистого разума.

Элион же не мог уловить и половины. Слова Ирата сливались в монотонный гул. Он пытался сосредоточиться на формуле квантовой гравитации, которая висела в воздухе, но взгляд постоянно соскальзывал вниз. Внимание цеплялось за крошечную, почти невидимую трещинку в полу у подножия кафедры. Маленький, ничтожный дефект в их совершенном мире. Этот изъян притягивал внимание как магнит, как единственная реальная вещь в океане абстракции.

«Сосредоточься», — приказал он себе, сжимая подлокотники кресла и пытаясь вслушаться.

— ...и таким образом, мы видим, что введение переменной «Кси» позволяет стабилизировать сингулярность без потери эстетической целостности структуры, — вещал Ират с безупречной уверенностью.

В голове у Элиона вместо стройной логики возникла отвратительная картина: сингулярность представилась ему чёрным, гниющим зубом в идеальной улыбке вселенной. Его затошнило от этого контраста.

Неожиданно Ткач почувствовал на себе чьё-то внимание. Осторожно повернув голову чуть влево, он увидел в соседнем ряду Лиану, которая не смотрела на лектора. Она смотрела на него.

Элион резко отвернулся. Этот взгляд казался невыносимым. В нём не было осуждения, но была жалость и это навязчивое желание помочь. «Починить». Словно он был сломанным големом из древних легенд, которого нужно смазать

маслом и настроить шестерёнки.

Демиург снова попытался слушать лекцию, но теперь к апатии добавилась глухая, иррациональная злость. На Ирата — за его идеальность и незыблемую уверенность. На Лиану — за её беспокойство, которое лишь подчёркивало его ущербность. На себя — за неспособность просто быть нормальным.

— ...что подводит нас к выводу о незыблемости творческого акта как основы бытия... — голос лектора звучал будто издевательство.

«Незыблемость», — мысленно передразнил Элион с горечью. Какая чудовищная ложь. Его собственный творческий акт был самым зыбким и хрупким явлением во вселенной. Он был похож на попытку построить замок из песка во время шторма.

Не в силах больше выносить это — гулкий голос Ирата, сочувствующий взгляд Лианы, собственную тошноту — он резко встал. Кресло за спиной тихо скрипнуло — ещё один дефект в симфонии идеальной тишины. Несколько голов повернулись в его сторону. На лицах Демиургов отразилось лёгкое недоумение и шок. Уходить с лекции до её завершения... странно. Это было всё равно что уйти с концерта на середине ноты.

Элион не стал ничего объяснять или извиняться взглядом, просто пошёл к выходу по центральному проходу, стараясь держать спину прямо и не шататься походкой смертельно

уоставшего существа. Он физически ощущал их взгляды на своей спине.

В коридоре его догнал Каэл. Друг выглядел растерянным.

— Элион? Ты куда? Это же Ират! Он редко выступает с новыми теориями. Ты же всегда говорил...

Ткач остановился так резко, что Каэл едва не врезался в него.

— Мне неинтересно.

— Неинтересно? — голос полон искреннего непонимания. — Это же основа основ! Ты всегда любил такие вещи!

«Я любил», — подумал Элион с пронзительной тоской. В прошедшем времени.

— Я устал, Каэл.

— Так отдохни. Мы можем пойти в Сад Тишины или...

— Я не об этом. — Демиург резко развернулся к другу, глаза нездорово блестели. — Я устал *постоянно*. Устал от того, что разум похож на дырявое решето. От того, что я не могу. Не могу! Слышишь?

Он ударил кулаком по стене коридора с такой силой, что по гладкой поверхности пошла едва заметная вибрация.

Каэл смотрел на него широко раскрытыми глазами. Во взгляде смешались шок от этой вспышки неконтролируемой ярости и глубокая жалость.

— Может тебе стоит обратиться к Архивариусу? Или... я не знаю... может, тебе просто нужно сменить сферу деятельности? Попробуй что-то новое! Может...

— Починить меня? — прошипел Элион, делая ещё один шаг к другу. Аура вспыхнула ослепительно-ярким, но неровным и дёрганым светом, похожим на короткое замыкание. — Ты хочешь меня *починить*? Я не сломанный инструмент! Я... я болен!

Слово «болен» прозвучало как признание в самом страшном преступлении против природы Демиурга.

Каэл отшатнулся от него так, будто услышал богохульство.

— Но мы не бодем...

— Вот именно! — Элион горько рассмеялся. — Мы не бодем. Мы идеальны. А я ошибка! Бракованная деталь! Вирус в системе!

Он оттолкнул Каэла с дороги — не грубо, но с такой решимостью, что друг был вынужден отступить — и бросился прочь по коридору, прочь от света хрустальных ламп, от идеальных лиц и от сочувствующих взглядов тех немногих, кто ещё пытался быть рядом.

Ткач Снов бежал к своей башне, к своей темноте и тишине. Там он мог быть просто сломанным. Там ему не нужно было притворяться.

Город Вечного Света готовился к закату, и его кристаллические шпили отбрасывали на нижние ярусы длинные, идеально ровные тени. В лаборатории Ирата на вершине башни

было непривычно тихо. Голографические проекции погашены, а единственный источник света исходил от мерцающей энергетической матрицы, парящей над рабочим столом.

Учёный не работал. Он сосредоточенно думал о чём-то, чего сам не мог объяснить или оправдать. Когда дверь бесшумно открылась, впуская Архивариуса, он даже не обернулся.

— Ты видел его ауру, — голос Ирата звучал глухо, в нём смешались научный азарт и глубокая тревога.

Архивариус молча подошёл и встал рядом. Его собственная аура была ровной и спокойной, но в глазах читалась тяжесть.

— Видел, — наконец ответил он. — Это... невыносимо. Словно смотреть на звезду, которая коллапсирует и рождается заново каждую секунду.

Ират резко развернулся. Глаза лихорадочно блестели.

— Именно! Коллапс! Рождение! Вот точные термины! Но наши модели... они бессильны. Мы измеряем энергию потоками, стабильными величинами. А его сила... она не течёт. Она *выбирает*.

Он подошел к голограмме, которая всё ещё висела в воздухе — модель стандартного энергетического поля Демиурга. Безупречная сфера, выверенная до последнего атома.

— Смотри, — Ират ткнул пальцем в центр. — Здесь ядро. Источник. Оно стабильно. Предсказуемо. Так у всех нас. У Каэла — структурное, у Лианы — витальное, у тебя —

темпоральное. А теперь смотри на то, что показал мне мой сканер сегодня.

Он провел сложную манипуляцию рукой, и ровная сфера исказилась. Поверхность пошла волнами, грани изогнулись под невозможными углами, а внутри образовался хаотичный вихрь энергии, который постоянно менял форму и плотность.

— Это не просто диссонанс, — прошептал ученый, завороженно глядя на модель. — Диссонанс — это сбой ритма, ошибка в симфонии. А это... это сама способность менять партитуру прямо во время исполнения. Его энергия обладает свободой воли, Архивариус. Понимаешь? Не мы управляем ею силой мысли, а она... следует какому-то своему внутреннему закону выбора.

Старый Демиург долго смотрел на искаженную модель. Затем перевел тяжелый взгляд на Ирата.

— Что ты хочешь сказать?

— Я пытаюсь его измерить. Пытаюсь записать, но мои приборы сходят с ума. Они показывают то абсолютный ноль энергии, то значения, которые должны означать схлопывание вселенной. Он нарушает законы физики одним своим существованием... Мы пытаемся измерить океан литрами. Наша система координат здесь бесполезна. Он — новая константа. Или, скорее... первая настоящая переменная.

Ученый быстро начертил в воздухе формулу.

— Если наша гармония — это уравнение с заранее извест-

ным ответом, то Элион — это введение в него неизвестной величины 'X'. И самое невероятное не то, что уравнение ломается. Самое невероятное — оно начинает выдавать бесконечное множество новых, правильных ответов.

Архивариус медленно опустил в кресло. Озарение накрыло холодной волной.

— Потенциал, — выдохнул он. — Вот почему Совет так им интересуется. Не потому, что он нарушает порядок. А потому, что он доказывает: порядок — не единственно возможный путь. Он открывает дорогу всему остальному.

— Всему, — эхом отозвался Ират.

Они замолчали. Оба понимали, что этот разговор — предательство всего, чему их учили. Они только что признали, что величайшая угроза для Города — не изгнанник в башне, а сама доктрина Совершенства, неспособная вместить в себя идею выбора.

— Мы должны помочь ему контролировать это, — твердо сказал Архивариус, нарушая тишину. — Помочь ему выжить. Потому что, если он погибнет или, еще хуже, гармонизируется... вместе с ним исчезнет нечто большее, чем один Демиург. Умрет сама возможность будущего.

Ират кивнул, выключая голограмму. В темноте лаборатории два разума, старый и пытливый, объединились в одном решении, которое навсегда изменит их судьбу.

Башня стала его панцирем, его коконом. Элион почти не выходил из неё, проводя дни в густом, вязком полумраке, где единственным источником света был тусклый, безжизненный отблеск проекционного холста. На нём больше не рождались вселенные — он просто висел в воздухе, как мёртвый, серый глаз. Элион сидел в своём кресле, похожий на статую, и смотрел в пустоту, позволяя мыслям течь своим чередом — если это можно было назвать мыслями. Это странное, тягучее состояние, похожее на анабиоз или медленное утопание в зыбучих песках. В нём не было ни острой боли, ни привычной радости — только глухая, серая тишина, которая обволакивала сознание и гасила все эмоции.

В один из таких дней, когда апатия была настолько глубокой и всепоглощающей, что даже привычная ненависть к себе требовала слишком много сил и энергии, он решил выйти. Не на улицы Города — о нет, это было бы невыносимо. Слишком много безупречных и счастливых лиц, сияющих аур, излучающих уверенность и гармонию. Он вышел на внешнюю террасу своей башни — узкий каменный балкон, опоясывающий вершину и нависающий над Бездной. Здесь воздух был холодным и пах озоном и далёкими звёздами. Отсюда Город Вечного Света казался не реальным местом обитания живых существ, а лишь искусно выполненной диорамой, а звёзды за его пределами — просто блёстками, небрежно рассыпанными по тёмному бархату космоса.

Он облокотился на перила и посмотрел вниз. Далеко парили другие башни, соединённые радужными мостами; плыли сады с поющими кристаллами. Взгляд бездумно скользил по поверхностям, пока не зацепился за что-то... неправильное.

На одной из нижних террас соседней башни, в белом мраморном полу была трещина. Она змеилась от края к центру причудливым, ломаным узором, безжалостно нарушая безупречную геометрию камня. Та самая неправильность, тот самый изъян в ткани реальности. И внезапно Элион вспомнил.

Вспомнил лекцию Ирата. Гулкий, уверенный голос, вещающий о неизбежности законов бытия. Вспомнил, как его собственный взгляд, словно заколдованный или проклятый, прилип к такой же крошечной трещинке у подножия кафедры. Тогда это вызвало у него лишь тошноту и глухое раздражение. Но сейчас... сейчас он смотрел на неё иначе.

Трещина не разрушала террасу. Она не делала её бесполезной или опасной. Напротив, она придавала ей... характер. Без этой трещины мрамор был бы просто безликой плитой. Холодной, стерильной и мёртвой. А с ней он становился живым.

Элион замер. Эта мысль была странной, почти кощунственной для того, кто вырос в мире абсолютного совершенства.

«А что, если идеально — это не всегда то, что нужно?»

Что если идеал — это просто... пустота?»

Внезапно за его спиной раздался голос — тихий, скрипучий, похожий на шелест старых пергаментных страниц или сухой листвы под ногами.

— Ты смотришь на шрамы камня.

Элион вздрогнул всем телом и резко обернулся. В арочном проёме, ведущем обратно в сумрак башни, стоял Архивариус. Древний Демиург выглядел так же, как и всегда: его высокая фигура окутана складками тёмной мантии, а лицо напоминало треснувший фарфор.

— Архивариус? — Элион не помнил, чтобы приглашал его или открывал доступ в башню. — Как вы...?

— Я прихожу туда, где есть история, — спокойно ответил старик. Его глаза, древние и мудрые до невыносимости, смотрели не на Город внизу и не на звёзды над ним. Он смотрел прямо на Элиона. — А в твоей башне её сейчас больше, чем где-либо ещё.

Демиург хотел возразить, сказать что-то резкое о том, что он не хочет никого видеть и тем более говорить о своей «истории», которая была лишь историей распада. Но слова застряли в пересохшем горле. Он просто молча кивнул и сделал приглашающий жест рукой.

Они прошли в мастерскую. Архивариус медленно обошёл комнату по кругу. Его тяжёлый взгляд скользил по тёмным углам, по разбросанным осколкам неудавшихся экспериментов и наконец остановился на проекционном холсте, на ко-

тором застыл уродливый мир из последней вспышки вдохновения.

— Интересная работа, — произнёс он наконец, останавливаясь прямо перед голограммой пульсирующего континента-язвы. В голосе не было ни отвращения, ни осуждения. В нём звучал лишь глубокий академический интерес. — В ней нет гармонии в классическом понимании этого слова. Нет баланса или симметрии. Но есть... правда.

Элион напрягся всем телом.

— Это болезнь. — выпалил он с неожиданной яростью. — Это то, что у меня внутри. Гнойник.

Архивариус медленно повернулся к нему от холста.

— Болезнь. Или просто иной способ существования? Ты смотришь на трещину в полу и видишь изъяз. Я смотрю на неё и вижу память. Понимаешь ли ты разницу?

Элион молчал. Он не мог найти слов.

Архивариус поднял руку, и в его ладони материализовалась старинная чаша из странного металла — потемневшего от времени серебра или платины, с тусклым матовым блеском. Форма чаши была проста, но её поверхность испещрена сотнями мелких вмятин и царапин разной глубины. Один край сильно погнут вовнутрь, словно чаша пережила множество столкновений и испытаний.

Старик внимательно посмотрел на Демиурга и протянул ему артефакт, позволяя рассмотреть каждую деталь.

— Что это? — спросил Элион почти шёпотом.

— Она из мира Кхарн, — ответил Архивариус своим скрипучим голосом. — Его жители были воинами-поэтами. Они верили: то, что не ломает вещь или душу окончательно, делает их уникальными.

Элион осторожно взял чашу в руки двумя пальцами. Она была неожиданно тяжёлой для своего размера и холодной как лёд.

— Она сломана... — повторил он очевидное.

— Она пережила битву при Шепчущем Перевале семь тысяч лет назад по их летоисчислению, — голос Архивариуса стал тише, почти мечтательным. — Владелец этой чаши пил из неё воду перед своей последней атакой на вражеский авангард. Вмятина сбоку — след от скользящего удара вражеского клинка по доспеху воина. Погнутый край — это след от стрелы. Она спасла хозяина от смертельного удара в горло.

Элион провёл кончиком пальца по самой глубокой царапине на поверхности.

— Но она больше не может быть чашей для пира или для священного ритуала. Она... несовершенна.

Архивариус приподнял уголки губ — тень улыбки на древнем лице.

— Несовершенна? Посмотри внимательнее. Её ценность теперь не в том, чтобы быть сосудом для вина или воды. Её ценность теперь — исключительно в её истории. В её шрамах. Она перестала быть утилитарным предметом и стала памятником мужеству и выживанию.

Элион медленно поднял взгляд на лицо старика. В голове у него словно что-то щёлкнуло со звуком лопнувшей струны мироздания. *«Её ценность теперь — в её истории».*

Он посмотрел на свои руки — руки творца, которые сейчас дрожали от слабости. Затем снова перевёл взгляд на уродливый мир на холсте за спиной Архивариуса.

— Вы хотите сказать, что мои «шрамы», моя «болезнь»... это не просто поломка? Не просто сбой программы?

Архивариус сделал шаг вперёд и положил свою морщинистую руку на плечо Элиона. Прикосновение было лёгким, но оно словно передало ему частичку древней мудрости.

— Я хочу сказать лишь то, что идеал статичен. Он завершён и потому мёртв по своей сути. А жизнь... жизнь течёт через трещины. Твоя энергия пульсирует? Твой разум затуманивается? Возможно... это не дефект системы, а её особенность. То самое «несовершенство», которое делает тебя тобой.

Слова Архивариуса упали в душу Элиона как семя в благодатную почву. Тошнота прошла. На её место пришло странное, холодное спокойствие и слабое мерцание надежды — такой хрупкой, что он боялся дышать.

Возможно, он не ошибка.

И впервые за долгое время Элион почувствовал не желание спрятаться или умереть от стыда за свою неправильность, а слабый, едва уловимый интерес к самому себе. К этой странной, сломанной и неправильной версии себя.

Архивариус молча поставил чашу на стол и направился к выходу из мастерской так же бесшумно, как и вошёл.

— Подумай об этом, Ткач Снов, — сказал он уже у самой двери. — Иногда самые красивые узоры рождаются не из света, а из тени.

Демиург ещё долго стоял в темноте неподвижно. Тишина теперь не давила свинцовой тяжестью на плечи.

Он медленно подошёл к проекционному холсту и посмотрел на своё самое честное творение — мир с пульсирующими континентами-ранами и небом цвета гноя. Протянул руку и осторожно коснулся изображения искорёженной горы кончиками пальцев так нежно, будто гладил живое существо.

— Ты не ошибка... — прошептал он миру на холсте так тихо, что сам едва услышал свой голос. — И я тоже... возможно... тоже нет...

Это крошечная победа над веками насаждаемой догмой о совершенстве как высшей ценности бытия стала для него важнее любого триумфа на Турнире Творения.

Он был сломан? Да.

Но впервые за всё это время он подумал: *«Интересно... каким бы я создал мир... если бы принял себя таким?»*

Слова Архивариуса стали для Элиона якорем, брошенным в бушующее море его собственного распада. Мысль о

том, что «поломка» может быть не дефектом, а особенностью, не отпускала. Она была хрупкой, как тончайший лёд над бездной, и он боялся на неё наступить, чтобы не провалиться обратно в пучину отчаяния. Но она была. И она давала странное, болезненное, но всё же — облегчение. Словно ему разрешили дышать под водой.

Ткач Снов больше не сидел в темноте, свернувшись калачиком в кресле. Он начал выходить на террасу не для того, чтобы спрятаться от мира, а чтобы смотреть. На Город, на его выверенные до микрона линии, и искать в них изъяны. Трещину в мраморе балкона этажом ниже. Царапину на боку парящей транспортной платформы. Тень, которую отбрасывал кристалл в неправильное время суток из-за преломления света в соседнем шпиле. Он смотрел на них не с отвращением больного, а с новым, исследовательским интересом. Доказательство. Доказательство того, что даже здесь, в обители вечного света и математической гармонии, существовало нечто иное, нечто живое и несовершенное.

Но теория — это одно, а практика — совсем другое. Его собственное состояние оставалось прежним. Периоды глухой, свинцовой апатии сменялись вспышками лихорадочной активности, и он всё ещё не мог ими управлять. Это похоже на жизнь с чужим разумом внутри головы.

Сейчас был подъём.

Элион стоял в центре мастерской, а вокруг него в воздухе медленно вращались сгустки чистой энергии — прообразы

материи, ждущие своего часа. Он не пытался создать мир. Пока нет. Это было бы слишком ответственно, слишком... серьёзно. Он просто играл. Создавал миниатюрные вселенные размером с кулак, где гравитация была вывернута наизнанку, капли света падали вверх, а время текло вспять, собирая рассыпавшиеся песчинки обратно в песочные часы. Заставлял звёзды рождаться из пустоты и умирать в ослепительных вспышках сверхновых за доли секунды, просто ради звука их последнего вздоха — тихого, музыкального треска.

Разум работал с кристальной ясностью, идеи рождались одна за другой, и каждая была гениальна и безумна одновременно. Он чувствовал себя всемогущим творцом, для которого законы физики были лишь набором детских кубиков.

— Элион?

Голос Лианы прозвучал как удар хлыста по натянутым до предела нервам. Демиург резко обернулся. Она стояла в дверях, её аура светилась ровным, спокойным светом — тем самым идеальным, который сейчас казался ему невыносимо скучным и плоским. На лице девушки читалась сложная смесь беспокойства и робкой надежды.

Элион почувствовал укол вины за свою резкость, который тут же сменился глухим, иррациональным раздражением.

— Я не ждал гостей.

— Я ощутила всплеск твоей энергии через половину Города, — сказала она, делая осторожный шаг внутрь. Взгляд метался между его лихорадочно блестящими глазами и хао-

тичными сгустками, которые всё ещё висели в воздухе, медленно меняя цвет с сапфирового на ядовито-зелёный. — Ты... ты снова творишь?

— Я существую, — отрезал Ткач. Слова прозвучали резко, чем он хотел, словно осколок льда. — Это не то же самое, что «творить» в вашем понимании.

Лиана остановилась.

— Я беспокоилась. Я знаю, что приходил Архивариус, я думала...

— Что он меня починил? — Элион горько усмехнулся, и от этого движения один из энергетических сгустков рядом с ним лопнул, рассыпавшись ворохом быстро гаснущих искр. — Он не починил меня, Лиана. Он просто дал мне понять, что чинить нечего.

Она нахмурилась.

— Я не понимаю.

— Конечно, ты не понимаешь, — он взмахнул рукой в нетерпеливом жесте, и все творения разом исчезли из воздуха с тихим звоном. В комнате стало неестественно тихо и пусто. — Вы все не понимаете. Вы видите болезнь там, где есть... другой порядок. Моя энергия — это не сломанный механизм с шестерёнками без смазки. Это... это пульс! Это ритм! Вы живёте в одной ноте, вечном «до», а я слышу всю симфонию!

Он подошёл к ней вплотную, вторгаясь в личное пространство. Аура вспыхивала неровными всполохами.

— Вчера я был мёртв. Не мог поднять руку от тяжести собственного «я». Мир был серым и плоским. А сегодня... сегодня я могу создать тысячу миров! Как ты можешь это понять? Как ты можешь помочь?

Лиана не отступила. Она смотрела на него прямо и твёрдо.

— Я не пытаюсь тебя починить, Элион. Я пытаюсь быть рядом.

Слова ударили сильнее любого обвинения. Потому что они были правдивы до последней капли. И потому что они были абсолютно бесполезны.

— Быть рядом? — голос упал до хриплого шёпота. — И какой в этом смысл?

Он отвернулся от неё и подошёл к проекционному холсту, где всё ещё висел «уродливый» мир — застывший памятник его падению.

— Уходи, Лиана. Пожалуйста.

Демиург услышал её тихие шаги по хрустальному полу мастерской, звук открывающейся двери... и затем тишину. Настоящую тишину одиночества.

Элион остался один. Энергия всё ещё бурлила в нём, требуя выхода, воплощения. Он посмотрел на холст.

«Каким бы я создал мир... если бы принял себя таким?»

Слова эхом отозвались в сознании, обретая новый смысл.

Он поднял руки и коснулся поверхности проекции кончиками пальцев. В этот раз он не пытался бороться с хаосом внутри себя. Он не пытался загнать свой рваный ритм в рам-

ки гармонии и красоты Города Вечного Света.

Он отпустил его на волю.

Мир на холсте начал меняться с пугающей скоростью. Пульсирующие континенты-язвы перестали быть гноящимися ранами; они затвердели под давлением времени, превращаясь в величественные горные хребты из чёрного обсидиана и красного гранита с прожилками светящегося кварца. Небо из гнойно-жёлтого стало глубоким багрово-фиолетовым куполом космического заката, на котором зажглись две тусклые луны-близнеца неправильной формы. Океаны из ядовитой жижи очистились от скверны, став густыми и тяжёлыми, как расплавленный свинец, по которому пробежали медленные волны тягучего света.

Это всё ещё был уродливый мир по меркам Города Вечного Света. В нём не было ни капли симметрии. Но теперь в его уродстве была своя дикая, первобытная красота — красота шрама после зажившей раны; красота выжженной земли, где пробиваются первые упрямые ростки жизни; красота ночного неба без единой звезды.

Элион работал лихорадочно несколько часов подряд, пока последняя капля энергии не иссякла так же внезапно, как и появилась. Он отступил от холста на шаг и рухнул в кресло у стены, чувствуя полное физическое и ментальное истощение — такое глубокое, что даже кости казались пустыми.

Перед ним висел мир хаоса и мрачной гармонии. Мир боли и силы. Мир, который мог родиться только из безумия и

принятия этого безумия.

Элион смотрел на него без стыда или отвращения.

Смотрел с усталой гордостью художника-абстракциониста, который наконец-то нарисовал свой автопортрет со всеми трещинами и признал его настоящим шедевром.

«Я не болен», — подумал он, закрывая глаза и проваливаясь в глубокий сон без сновидений, — *«Я просто другой»*.

И эта мысль стала первым шагом к тому, чтобы перестать быть сломанным осколком идеала и стать целым по-новому — целым в своей неправильности.

Глава 4

Зал Коллегии был святилищем порядка, храмом незыблемой гармонии. Его стены, сложенные из блоков застывшего лунного света, излучали мягкое, ровное сияние, которое не давало теней, стирая любые намеки на несовершенство. В центре зала парила главная демонстрационная сфера — идеальная гладь из полированного кристалла, ожидающая прикосновения творца. Сегодня здесь проходила очередная выставка «Перспективных концепций», где молодые и опытные Демиурги делились своими наработками. Обычно это становилось рутинным, почти торжественным мероприятием, полным сдержанных аплодисментов и вежливых дискуссий о нюансах топологии или эстетике гравитационных колодцев.

Стоило распорядителю объявить имя Элиона, по рядам собравшихся пробежал едва уловимый шепоток. Его имя всё ещё ассоциировалось с оглушительным провалом на Турнире и последовавшим за ним странным затворническим поведением. Но сегодня он был здесь.

Демиург вышел к сфере. Двигался уверенно, спина была прямой, а в глазах, обычно тусклых и воспалённых, горел ровный, хоть и немного лихорадочный огонь. Он не выглядел сломленным.

Элион поднял руки, и его аура вспыхнула. Она пульсировала, как живое, больное сердце: то разгораясь до ослепи-

тельной белизны, то затухая до глубокого индиго. Это было... тревожно. Неправильно с точки зрения законов их бытия. Но завораживающе.

Он начал творить.

В отличие от других Демиургов, которые начинали с каркаса физических законов — гравитации, констант света, структуры атомов — Элион начал с эмоции. Он вплёл в основу чувство затяжной меланхолии и горькой ностальгии по тому, чего никогда не было. Сфера под его руками задрожала, и в ней родился мир.

Первое, что бросалось в глаза — небо. Это была сложная, почти болезненная палитра багровых, фиолетовых и свинцово-серых тонов, по которым плыли два спутника. Один — раскалённый, как угли в догорающем костре, исторгавший волны жара. Второй — холодный и мёртвый, как кусок космического льда. Их свет смешивался в атмосфере, создавая вечные сумерки цвета запекшейся крови.

Континенты этого мира были не плавными и округлыми, как подобает творениям гармонии. Они походили на осколки разбитого чёрного зеркала, с острыми, рваными краями, которые, казалось, могли порезать сам взгляд смотрящего. Горы вздымались хаотичными нагромождениями, словно застывшими в момент титанического взрыва.

— Это... поразительно по своей дерзости, — раздался голос из зала. В нём звучало больше осуждения, чем восхищения. — Но где же баланс? Где эстетическая завершенность?

Это же визуальный диссонанс!

Элион не ответил, полностью поглощённый процессом. Он создал океан — не из воды, а из густой, тяжёлой субстанции, похожей на ртуть. По её поверхности медленно перекачивались тяжёлые, ленивые волны цвета полированной стали.

— Смотрите! — воскликнул кто-то другой с верхних ярусов зала, указывая на побережье одного из континентов.

Там, где суша встречалась с ртутным океаном, не было плавного перехода пляжа или пологого шельфа. Береговая линия изломана до предела, усеяна острыми скалами и глубокими фьордами, уходящими вглубь континента. Но в этой хаотичной линии присутствовала своя логика — она напоминала сложный, витиеватый узор или... глубокий шрам на теле живого существа.

— Это мир крайностей, — тихо произнёс Архивариус, сидевший в первом ряду. Скрипучий голос услышали все благодаря идеальной акустике зала. — В нём нет покоя.

— В нём есть жизнь! — возразил Элион, не оборачиваясь. Голос звенел от выплеска энергии и звенящей ярости. — Вы создаёте музеи. Идеальные, стерильные макеты реальности. А я создаю историю. Этот мир будет воевать сам с собой. Горы будут рушиться под собственным весом. Океаны будут кипеть от внутреннего жара. И из этого хаоса родится что-то новое... Что-то живое.

Демиурги молчали. Это было возмутительно, грубо нару-

шало все каноны... и было гениально.

Элион завершил демонстрацию последним штрихом: создал в этом мире первую искру примитивной жизни — не гармоничных существ из света и эфира, а уродливых, но невероятно цепких тварей из кремния и кристаллов, способных выживать в условиях вечной борьбы стихий.

Он опустил руки. Пульсация ауры замедлилась и выровнялась до обычного состояния. Он чувствовал себя опустошённым

В зале повисла долгая пауза.

— Это... нарушает все каноны стабильности и безопасности мироздания, — наконец произнёс кто-то.

— Такая тектоника приведёт к коллапсу системы через пару эонов. Но это... уникально по своей энергетике, — добавил ещё кто-то с задних рядов с трепетом в голосе.

— Это опасно для самого творца! — отрезал один из старейшин Коллегии.

Великий Магистр поднялся со своего места в центральной ложе. Старик даже по меркам Демиургов. Он долго смотрел на уродливый, но завораживающий мир в сфере, поворачивая её легким движением руки.

— Мы видим здесь новую форму экспрессии, — наконец изрёк он своим глубоким голосом. — Она... тревожит нас. Выбивается из привычной нам концепции Гармонии так же сильно, как диссонанс выбивается из мажорного аккорда. Но мы не можем отрицать наличие в ней мощи и... собственной

внутренней логики.

По залу пронёсся согласный гул. Решение было принято: это признали искусством.

Демонстрация окончена.

Элион шёл сквозь толпу к выходу. К нему подходили другие Демиурги — те самые, что раньше сторонились его как прокаженного. Они теперь поздравляли его со «смелым экспериментом», задавали вопросы о технике создания тектонической нестабильности и плотности атмосферы. Он отвечал вежливо, но отстранённо, словно разум всё ещё находился там, внутри созданного им мира.

Он искал глазами своих друзей.

Лиана стояла у дальней стены зала у колонны, скрестив руки на груди. Её лицо было бледным как мел. Каэл переминался с ноги на ногу рядом с ней; аура светилась неровно и прерывисто — он был взволнован до предела. Демиурги перешептывались, поглядывая по сторонам.

Едва Элион подошёл к ним сквозь толпу почитателей его нового таланта, они оба замолчали.

— Ну? — спросил Ткач первым, пытаясь скрыть предательскую дрожь в голосе после колоссального выплеска энергии. Тело била мелкая дрожь от истощения. — Что скажете? Теперь вы тоже думаете, что это просто «характер»? Просто «новый творческий метод»?

Каэл открыл рот, чтобы сказать что-то ободряющее, но Лиана его опередила:

— Это было... невероятно, Элион.

— Но? — он прищурился, взгляд стал колючим.

— Но на это было страшно смотреть вживую, — тихо закончила она. Подошла к нему вплотную и понизила голос до едва слышного шёпота: — Этот мир... он страдает в реальном времени. В нём нет покоя ни на секунду. Он корчится от боли.

— Он живёт, — возразил Элион с внезапным жаром.

— Умирает, — парировала Лиана так же горячо. Она положила руку ему на плечо. Прикосновение было лёгким, но полным тревоги: — Я видела твою ауру во время творения, Элион. Чувствовала её через весь зал. Ты вкладывал в этот мир не просто идею или концепцию. Ты вкладывал в него свою боль. Свою собственную агонию.

Элион отшатнулся так резко, словно она ударила его током.

— Ты ничего не понимаешь.

— Я понимаю больше, чем ты думаешь, — Лиана не отступала ни на шаг. — Ты нашёл способ творить через свою... болезнь. Ты превратил её в искусство. Это гениально. Но это тебя убивает! Ты сгораешь изнутри каждый раз!

Каэл наконец вмешался в разговор:

— Она права, друг мой... Я никогда не видел такого накала при создании мира за всю свою жизнь. Ты выглядишь так, будто пробежал марафон через звезду и получил ожог от её короны одновременно.

Элион посмотрел на них обоих: на Лиану с искренним страхом в глазах за него и на Каэла с беспомощным беспокойством во взгляде. Они снова пытались его «починить». Они снова видели в нём сломанную вещь, которую нужно исправить.

— Я не болен, — прорычал он сквозь стиснутые зубы. — Я просто другой. Вы все хотите меня запихнуть обратно в коробку с надписью «Идеальный Демиург».

Он развернулся на каблуках и быстрым шагом пошёл к выходу из Коллегии Гармонии, расталкивая других гостей выставки плечом.

Лиана и Каэл остались стоять одни посреди расходящейся толпы и смотрели ему вслед. Они хотели уйти, догнать Элиона, но голоса, пробивающиеся сквозь общий шум, остановили их.

— Это было возмутительно, — шипел один из старейшин, седовласый Демиург с аурой цвета холодной стали. — Где гарантии, что его «искусство» не выйдет из-под контроля?

— В том и опасность, — ответил ему собеседник, понизив голос. — Такие миры нельзя контролировать, они живут по своим законам. А если он научится создавать их массово...

— Массово? — старейшина усмехнулся. — Ты думаешь, Совет позволит? Это же прямой вызов Гармонии. Не сегодня, так завтра они потребуют его изолировать. Или нейтрализовать.

Слово «нейтрализовать» ударило Каэла, как пощёчина.

Он замер, вслушиваясь.

— Говорят, Ират уже взял образцы его ауры, — добавил третий голос. — Официально — для изучения. Но я слышал, что он ищет способ... стабилизировать её.

— Стабилизировать или подавить? — скептически уточнил старейшина. — Великий Магистр сегодня признал его искусство. Но он не сказал, что согласен с его существованием.

Разговор стих. Демиурги разошлись, оставив друзей стоять посреди пустеющего зала.

— Они говорят о нём как об угрозе, — тихо сказала Лиана. — Как об оружии, которое нужно уничтожить.

— Ират... — Каэл покачал головой. — Он же хотел помочь! Неужели он...

— Возможно, он искренне хочет понять, — перебила Лиана. — Но понимание в нашем мире всегда означает контроль.

Каэл провёл рукой по лицу. Жест был усталым, почти человеческим.

— Что мы можем сделать? Мы — никто. Не старейшины, не члены Совета.

Лиана посмотрела на него. В глазах горел холодный, решительный огонь.

— Мы можем быть рядом и следить. Можем предупредить его, если что-то пойдёт не так. И если Совет решит его убрать... мы не позволим.

Каэл смотрел на неё так, будто видел впервые.

— Ты понимаешь, что это означает? Мы пойдём против Совета. Против Гармонии. Мы...

— Я знаю, — тихо сказала Лиана. — Но я не могу его бросить. Ты можешь?

В пустом Зале Коллегии эхо их дыхания звучало слишком громко. Наконец он покачал головой:

— Нет. Не могу.

Лиана кивнула, словно ожидала этого ответа.

— Тогда мы выбираем его. И будем готовы к последствиям.

Они вышли из зала — два идеальных Демиурга, которые только что приняли решение, не вписывающееся ни в одну доктрину Совершенства.

Элион не пошёл домой. После демонстрации, после встреченных, полных жалости взглядов Лианы и Каэла, ему нужен был воздух. Не стерильный у жилых башен, а настоящий, холодный и разреженный воздух верхних ярусов Города, где парили лишь самые древние и безмолвные обсерватории. Ему нужно было пространство, чтобы собственная, нестабильная аура не касалась никого другого.

Он нашёл пристанище на смотровой площадке Обсерватории Тысячелетий — круглой платформе из тёмного ба-

зальта, зависшей над самым краем Бездны. Отсюда Город Вечного Света казался россыпью драгоценных камней на чёрном бархате космоса. Звёзды были так близко, что, казалось, можно коснуться их рукой, просто протянув ладонь в пустоту.

Демиург стоял, вцепившись в перила. Он не услышал шагов за спиной. Ветер, завывавший в пустоте, заглушал все звуки.

— Интересный выбор места для размышлений, — раздался скрипучий, лишенный возраста голос Архивариуса. — Здесь особенно остро ощущается масштаб бытия. И наша... незначительность перед лицом вечности.

Рядом с Архивариусом стоял Ират. Лектор выглядел так же, как и на своей лекции: мантия была безупречна, а аура светилась ровным, спокойным светом математической константы. Но в глазах читалось не привычное высокомерие знаатока, а глубокое, почти болезненное интеллектуальное любопытство.

— Я не звал гостей, — сухо сказал Элион, не оборачиваясь. Он не хотел видеть их лица. Не хотел видеть там ни восхищения его «смелостью», ни жалости к его состоянию.

— А мы и не гости, — спокойно ответил Архивариус, подходя ближе и тяжело опираясь на перила рядом с ним. — Мы — заинтересованные стороны. Твоя демонстрация всколыхнула воды в нашем тихом пруду. А Ират всегда был тем, кто первым замечает рябь на поверхности.

Лектор кивнул, его взгляд был устремлён на Город внизу. Он смотрел на него, как на сложную математическую модель.

— Это было возмутительно. И гениально. Твои миры лишены гармонии в классическом понимании. Они построены на конфликте. На контролируемом распаде.

— Они живые, — отрезал Элион. Слово прозвучало как удар хлыста.

— Нестабильные, — мягко поправил Архивариус. В голосе не было осуждения. — Но в этой нестабильности есть своя правда. Ты показал нам не то, каким мир *должен* быть согласно канонам Гармонии. Ты показал нам, каким он *может* быть в своей дикой, первобытной форме.

Элион наконец повернулся к ним. Он развернулся всем телом, и свет звёзд упал на его лицо, подчеркнув бледность и глубокие тени под глазами.

— Я показал им свою болезнь, а они назвали это «смелым экспериментом». Но вы оба знаете правду. Я сломан. Мои миры — это просто уродливое отражение хаоса в моей голове.

Ират нахмурился и сделал решительный шаг вперёд. Черты лица исказила гримаса глубокой интеллектуальной работы.

— Сломан? Ты мыслишь категориями механики. Демиург — не механизм с шестерёнками и пружинами. Мы — это чистая воля и энергия. Твоя энергия... она не сломана. Она

просто имеет иную частоту колебаний.

— Иную частоту? — Элион горько усмехнулся. В смехе не было веселья, только горечь и усталость. — Это красивое название для безумия. Вчера я не мог вспомнить формулу гравитации. Сегодня я создаю вселенные из боли и ярости. А завтра я снова буду лежать в своей башне и смотреть в стену, не в силах пошевелиться.

Архивариус медленно кивнул, словно каждое слово Элиона подтверждало какую-то его древнюю догадку.

— Да. Это называется цикличность. В природе нет ничего постоянного и ровного. День сменяет ночь. Приливы сменяют отливы. Рождение сменяет смерть. Твои циклы просто... более выражены. Более контрастны.

— Вы оправдываете дисфункцию природными процессами? — в голосе Элиона прозвучал вызов, но слабый, надломленный.

Ират поднял руку в останавливающем жесте.

— Послушай меня, Элион. Я — теоретик стабильности. Моя жизнь посвящена поиску идеального баланса во всём: в уравнениях, в строении миров, в самой структуре бытия. Но даже я вижу: абсолютная стабильность ведёт к стагнации. К смерти. Чтобы система развивалась, ей нужен импульс извне или внутренний конфликт.

Он указал рукой на Город внизу.

— Наш Город идеален. Он стабилен до последней песчинки в его кристаллической решётке. Но он... статичен. Мы

создаём прекрасные миры, но они похожи друг на друга. В них нет шрамов от древних войн континентов. Нет истории борьбы за выживание.

Элион молчал, слушая их слова с жадностью умирающего от жажды.

— Твои миры, — продолжил Ират уже тише, в голосе впервые за всё время прозвучало что-то похожее на трепет, — Они пугают нас именно потому, что другие. Они показывают нам то, чего мы лишены в своём вечном покое. Динамику через боль. Эволюцию через распад.

Архивариус добавил, глядя в Бездну:

— Помнишь чашу из Кхарна? Её ценность не в изначальной форме кубка для вина. Её ценность появилась после битвы — в шрамах от клинка и погнутом краю от стрелы. Ты создаёшь миры-шрамы, Элион. Они некрасивы в привычном смысле слова, но они говорят о выживании громче любого гимна о гармонии.

Элион долго смотрел на двух самых консервативных Демиургов Города Вечного Света. Он ожидал осуждения или снисходительной жалости к «заболевшему» коллеге, но видел лишь глубокую задумчивость и... уважение? Уважение к силе, которую они не могли или не хотели применять сами?

— Вы говорите так, будто это дар, — прошептал едва слышно.

Ират покачал головой:

— Это не дар и не проклятие в чистом виде. Это твоя

природа. Твоя истина. Проблема не в тебе, Элион Ткач Снов. Проблема в том, что ты пытаешься втиснуть свою истину в рамки представлений о всеобщем совершенстве.

Демиург отвернулся от них и снова посмотрел на звёзды и далёкий Город внизу. Он чувствовал себя абсолютно опустошённым после демонстрации, выжженным изнутри дотла, но впервые за долгое время слова других существ не вызывали в нём желания защищаться или нападать.

— Мои друзья боятся за меня, — тихо сказал он в пустоту перед собой.

— Они боятся того, чего не понимают, — ответил Архивариус с мудрой грустью в голосе. — Они видят твою боль и хотят её убрать или вылечить, потому что для них боль — ошибка системы, которую нужно исправить. Но ты доказал сегодня: иногда именно из ошибки рождается самое прекрасное... или самое ужасное.

Наступила тишина — глубокая, звенящая тишина края Бездны, нарушаемая лишь далёким гулом работающего Города где-то далеко внизу.

Элион медленно поднял руку и создал в воздухе маленькую голографическую модель своего последнего мира — крошечный шар с рваными континентами-осколками и багровым небом с двумя лунами-близнецами неправильной формы.

Он смотрел на него без стыда за уродство и без гордыни за гениальность. Просто как на факт своего существования.

Как на автопортрет.

Ткач Снов всё ещё был другим для этого мира идеальных существ. Он всё ещё был сломлен по их меркам. Но теперь он начинал понимать: возможно, его трещины пропускали не только тьму отчаяния из бездны разума... но и свет совершенно иного спектра — свет правды о том, что значит быть живым по-настоящему.

Глава 5

Разговор с Архивариусом и Иратом не принёс облегчения в привычном понимании этого слова. Он не исцелил его, не убрал боль и не выровнял рваный ритм ауры. Но он сместил точку обзора. Они не дали ему лекарство, но вручили карту местности, по которой он блуждал вслепую, спотыкаясь о собственные страхи и называя их проклятием. Демиург больше не считал свою суть грязью, которую нужно отскрести с идеальной поверхности. Он начал видеть в ней пигмент — странный, тёмный, токсичный, но способный нарисовать картину, недоступную другим, использующим лишь белую и чёрную краски.

Но карта — это не лекарство. Боль осталась.

Элион вернулся в башню. Мастерская встретила привычным полумраком и тишиной, которая теперь казалась не уютным коконом для творчества, а глухой, давящей крышкой саркофага. Проекционный холст всё ещё хранил изображение его последнего мира — мира вечных сумерек и тектонического гнева. Он смотрел на него долго, изучая каждый шрам на теле планеты, каждую рваную линию побережья и каждый вулкан, извергающий не лаву, а саму суть распада.

«Ты создаёшь миры-шрамы», — сказал Архивариус.

Это было правдой. Но у правды была цена. Элион чувствовал её каждой клеткой своего сломанного тела. Демон-

страция выпила его до дна. Тот невероятный подъём, позволивший выплеснуть на холст всю первобытную мощь, схлынул, оставив после себя лишь выжженную пустыню. Но это не простое истощение от усилия. Это его личный, неумолимый внутренний закат. Его цикл перешёл в фазу спада.

Ткач подошёл к рабочему столу и попытался создать стакан воды. Простейшая манипуляция. Базовый навык для любого ребёнка в Городе. Он сосредоточился, потянулся к источнику энергии... и ничего. Перед ним лишь слабо мигнула искра и погасла, оставив после себя запах озона и горечи.

Элион сжал кулаки. Глухая ярость поднялась из глубины души.

— Нет, — прошептал он. — Только не сейчас.

Попробовал снова. И снова. С тем же результатом. Бытовая магия, основа жизни, была ему недоступна. Он чувствовал себя калекой в мире атлетов. Всемогущий творец, который не может наколдовать себе воды, чтобы утолить жажду.

Он отшатнулся от стола и прошёлся по мастерской, как зверь в клетке. Взгляд упал на собственное отражение в полированной поверхности отключённого проектора. На него смотрел Демиург с идеальными, классическими чертами лица и глазами, в которых плескалась глубокая, космическая пустота.

«Это цена», — подумал он с холодной ясностью, — «Чтобы создать что-то настоящее, нужно отдать что-то взамен».

Но что именно он отдаёт? И стоит ли оно того? Стоит ли мимолётный миг гениальности дней абсолютной беспомощности?

Внезапно внимание привлекло тихое, басовитое гудение. На рабочем терминале мигал сигнал входящего сообщения. Не мягкий пульс личного письма от друга и не безликое системное уведомление, а официальный запрос на защищённый канал связи от Совета Коллегии.

Элион замер. После демонстрации он ожидал чего угодно: холодного осуждения за нарушение протоколов, полного игнорирования или ядовитых шепотков за спиной. Но официального запроса? Дрожащей рукой он активировал канал.

В воздухе соткалась голограмма. Это был не Ират и даже не Великий Магистр. Хранитель Архива Стабильности — существо настолько древнее, отстранённое и бесстрастное, что Элион видел его лишь однажды, в далёком детстве, когда его приводили на экскурсию.

— Элион из Дома Снов, — голос Хранителя похож на шелест песка в древней пустыне или шорох падающих звёзд. Не содержал ни единой эмоции. — Твоя последняя демонстрация вызвала интерес в высших кругах Коллегии.

Элион сглотнул комок в горле, но промолчал, ожидая продолжения.

— Твои миры уникальны по своей энергетической сигнатуре. Они обладают мощью и глубиной, которых лишены наши творения. Но они нестабильны и несут в себе семя само-

разрушения.

— Они живые, — хрипло возразил Элион. Голос прозвучал слабо в этой стерильной голографической тишине.

— Жизнь — это хаос, — согласился Хранитель так же бесстрастно. — А хаос непредсказуем и труден в управлении. Совет желает знать природу твоего метода. Твоей аномалии.

Слово «аномалия» обожгло изнутри. Оно было сухим диагнозом, клеймом.

— Вы хотите изучить меня? Разобрать на части и посмотреть, почему шестерёнки крутятся не в ту сторону?

— Мы хотим понять, — голос Хранителя не изменился ни на йоту. — Если твоя суть позволяет создавать миры такой глубины и сложности, возможно, её можно стабилизировать. Сделать контролируемой.

Элион почувствовал, как по спине пробежал ледяной холодок, от которого задрожали руки. «Стабилизировать». «Сделать контролируемой». Звучало как предложение помощи, но он слышал за этим холодный приговор учёного к лабораторной мыши. Они хотели взять его «пигмент», его боль и хаос и разлить по аккуратным баночкам для всеобщего пользования. Вырезать из него уникальность и превратить её в очередной стандартный инструмент для создания идеальных макетов реальности.

— Я отказываюсь, — твёрдо сказал Демиург.

— Это не просьба, — спокойно ответил Хранитель. И ин-

тонации не было угрозы, лишь констатация факта. — Это предложение о сотрудничестве на благо Гармонии. Совет готов предоставить тебе любые ресурсы для изучения твоего состояния.

— Моё состояние — это я! — голос Элиона звенел от едва сдерживаемой ярости и страха. — Вы хотите не понять меня! Вы хотите меня исправить! Превратить в одного из вас! В ещё одного создателя стерильных песочниц!

Он оборвал связь резким взмахом руки, словно пытаясь физически отмахнуться от этого предложения и самого Хранителя. Голограмма исчезла.

Тишина в башне стала оглушительной, давящей на барабанные перепонки.

Элион стоял посреди мастерской, тяжело дыша, словно после долгого бега. Теперь он видел картину целиком со всей её мрачной ясностью. Друзья боялись за него, потому что видели страдания и жалели, как больного брата. А Совет... Совет боялся его самого. Боялся того, что он собой представляет — живое доказательство, что их путь к абсолютной гармонии не единственный и, возможно, не самый верный.

Они не хотели ему помочь справиться с циклами болезни. Они хотели заставить эти циклы работать на них как новый источник энергии для их застывшего мира.

Он посмотрел на проекционный холст с миром вечных сумерек и тектонического гнева.

Если он примет их предложение, то перестанет быть со-

бой. Его миры станут такими же стерильными и мёртвыми, как и все остальные в Городе Вечного Света. Шрамы разглядятся под хирургическим лазером науки Коллегии, превратившись в безупречную кожу без истории и памяти о боли.

Он подошёл к холсту и положил на него ладонь, касаясь кончиками пальцев изображения багрового неба.

— Я не позволю им забрать тебя у меня, — прошептал своему творению так тихо, что сам едва услышал свой голос.

В этот момент Элион принял решение. Решение бороться за право быть другим. Не сломанным дефектом системы и не больным уродом в семье идеальных существ. Просто другим.

И эта борьба обещала быть долгой и одинокой.

Решение было принято, но Город Вечного Света не собирался давать ему время на раздумья. Официальный запрос от Совета был лишь первым шагом, вежливым стуком в дверь. Следующий шаг был сделан без предупреждения.

Это случилось на третий оборот после его отказа. Элион находился в мастерской, сидя на полу в позе лотоса и пытаюсь — абсолютно безуспешно — создать простейший источник света. Цикл спада всё ещё держал в своих тисках, превращая магию из естественного дара в непосильный, изнуряющий труд. Внезапно воздух в центре комнаты сгустился, потемнел, и из него соткались три фигуры.

Абсолютное воплощение изящества и контроля. Тела, сотканные из чистого, концентрированного света, казались почти нематериальными, колеблющимися, а лица скрыты гладкими, зеркальными масками без единого намёка на черты — ровные овалы, отражающие лишь пустоту комнаты.

— Элион из Дома Снов, — голос центрального существа не звучал, а скорее резонировал прямо в сознании, минуя уши. Холодный, лишённый интонации и эмоций, как падение метеорита в безвоздушном пространстве. — Ты отклонил предложение Совета.

— Я отказался от вашего «сотрудничества», — спокойно ответил Элион, медленно поднимаясь на ноги и выпрямляясь во весь рост. Он всё ещё истощён физически и ментально, но страх уступил место холодной, звенящей ярости. — Это моё право.

— Твоё право, как Демиурга — служить Гармонии, — произнёс второй Охотник. Голос идентичен первому, что создавало жуткое эхо в голове Элиона. — Твоё состояние является отклонением, аномалией, которая угрожает стабильности системы.

— Угрожает? — Ткач горько усмехнулся. — Моё существование угрожает вашему уютному миру? Тем, что я доказал: можно творить иначе?

— Ты не творишь, — вмешался третий. — Ты распространяешь энтропию. Твои миры — это опухоли на теле реальности. Они красивы в своём распаде, но они смертельны.

Элион почувствовал, как по спине пробежал ледяной холодок. Это была не дискуссия и не переговоры. Это было оглашение приговора.

— Зачем вы пришли?

— Восстановить баланс, — сказал первый. — Совет предлагает тебе последний шанс. Пройти процедуру гармонизации добровольно. Твоя энергия будет откалибрована, твои циклы стабилизированы. Ты станешь полезным.

Слово «полезным» прозвучало как «стертым», «обезличенным», превращённым в бездушный инструмент.

— А если я откажусь?

Ответа не последовало. Вместо этого фигуры синхронно, с пугающей механической точностью подняли руки. Воздух вокруг Элиона загустел, превращаясь в невидимые путы из чистой энергии Гармонии. Он попытался призвать свою собственную ауру для сопротивления, но спад был слишком глубок. Он оказался заперт в клетке из собственного бессилия.

— Процедура будет неприятной, — прошелестел голос прямо в голове, лишённый всякого сочувствия. — Но необходимой.

Внезапно тишину башни разорвал оглушительный звон бьющегося кристалла. Огромное панорамное окно мастерской взорвалось мириадами острых осколков, и в проём влетел ослепительный сгусток чистой энергии. Он врезался в зеркальную маску центрального Охотника с силой тарана, отбрасывая его назад.

Следом за светящимся шаром, в облаке стеклянной пыли и искр на пол приземлился Каэл. Аура пылала яростным, неровным огнём цвета расплавленного металла.

— Не трогайте его, — прорычал он.

Элион не верил своим глазам. Его друг, вечный апологет порядка и холодной логики Каэл Архитектор Воли, стоял посреди его разрушенной мастерской с разбитым окном и выбитой дверью, готовый к бою против самой Коллегии.

Охотники мгновенно перестроились, их внимание переключилось на нового противника.

— Ты вмешиваешься в дело Совета, Каэл из Дома Чистой Мысли. Это карается...

— Мне плевать на ваши кары! — Демииург выбросил руку вперёд, и концентрированная волна отбросила двух Охотников к противоположной стене. Древний камень башни треснул и пошёл паутиной трещин от силы удара. — Он мой друг! И вы не имеете права так с ним поступать!

Элион наконец сбросил оцепенение ужаса и паралича. Энергия Каэла нарушила структуру их ловушки-паутины. Он собрал последние крохи сил и толкнул Охотника, стоявшего ближе всех к нему. Тот пошатнулся.

— Бежим!

Но бежать некуда. Охотники уже приходили в себя быстрее, чем можно было ожидать. Их зеркальные маски уцелели, а движения стали ещё более отточенными и смертоносными.

В этот момент воздух у входа в мастерскую замерцал и пошёл рябью. В комнату шагнула Лиана. Она не стала атаковать или создавать громоздкие защитные барьеры. Она просто присела и коснулась ладонью каменного пола.

И мастерская ожила.

Каменные плиты под ногами Охотников взорвались побегими тёмного, шипастого плюща с листьями цвета ночного неба. Лозы оплетали их ноги с невероятной скоростью, сковывая движения и пробивая их нематериальные тела острыми шипами. С потолка ринулась стая крошечных, но острых кристаллических птиц-скорпионов, созданных из спрессованного света и базальта.

— Это их задержит, — крикнула Лиана сквозь шум. Её лицо было сосредоточенным и бледным от напряжения. — Но ненадолго!

Каэл схватил Элиона за руку.

— Уходим!

Трое бросились к запасному выходу — узкому лазу, который вёл на нижние ярусы башни.

Элион бежал по коридору вслед за друзьями, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле с такой силой, что мешало дышать. Он всегда считал Город Вечного Света своим домом, самым безопасным местом во вселенной. Теперь же его сияющие стены казались ему тюрьмой с толстыми прутьями из идеального порядка. Гармония обернулась клеткой для тех, кто не вписывался в её рамки.

Друзья выбрались на одну из нижних террас Башни Тысячи Оттенков, спрятавшись в густой тени парящего сада с поющими лианами.

— Куда теперь? — тяжело дыша после бега, спросил Элион.

Каэл оглянулся.

— В Городе оставаться нельзя. Совет не остановится на этом. Они объявят нас угрозой высшего уровня и начнут охоту по всем правилам Кодекса Гармонии.

Лиана положила свою прохладную руку на плечо Элиона. В глазах девушки читалась та же непоколебимая решимость, что и у Каэла.

— Мы поможем тебе скрыться.

Элион посмотрел на своих друзей. Они рисковали всем — своим статусом Демиургов, своей безупречной репутацией и даже своей жизнью — ради него. Ради того, кого они считали сломанной деталью в механизме их мира.

Он больше не был одинок в своей борьбе.

Но теперь эта борьба перестала быть просто внутренним конфликтом со своей природой.

Го

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.